

Николай Михайлович Карамзин

Письмо к издателю

Николай Михайлович Карамзин

Письмо к издателю

«...Уже прошли те блаженные и вечной памяти достойные времена, когда чтение книг было исключительным правом некоторых людей; уже деятельный разум во всех состояниях, во всех землях чувствует нужду в познаниях и требует новых, лучших идей. Уже все монархи в Европе считают за долг и славу быть покровителями учения. Министры стараются слогом своим угождать вкусу просвещенных людей...»

**Николай Михайлович
Карамзин
Письмо к издателю**

Искренно скажу тебе, что я обрадовался намерению твоему издавать журнал для России в такое время, {1} когда сердца наши, под кротким и благодетельным правлением юного монарха, покойны и веселы; когда вся Европа, наскучив беспорядками и кровопролитием, заключает мир, который, по всем вероятностям, будет тверд и продолжителен; когда науки и художества в быстрых успехах своих обещают себе еще более успехов; когда таланты в свободной тишине и на досуге могут заниматься всеми полезными и милыми для души предметами; когда литература, по настоящему расположению умов, более нежели когда-нибудь должна иметь влияние на нравы и счастье.

Уже прошли те блаженные и вечной памяти достойные времена, когда чтение книг было исключительным правом некоторых людей; уже деятельный разум во всех состояниях, во всех землях чувствует нужду в познаниях и требует новых, лучших идей. Уже все монархи в Европе считают за долг и славу быть покровителями учения. Министры стараются слогом своим угождать вкусу просве-

ценных людей. Придворный хочет слыть любителем литературы; судья читает и стыдится прежнего непонятного языка Фемиды; молодой светский человек желает иметь знания, чтобы говорить с приятностию в обществе и даже при случае философствовать. Нежное сердце милых красавиц находит в книгах ту чувствительность, те пылкие страсти, которых напрасно ищет оно в обожателях; матери читают, чтобы исполнить тем лучше священный долг свой – и семейство провинциального дворянина сокращает для себя осенние вечера чтением какого-нибудь нового романа. Одним словом, если вкус к литературе может быть назван модою, то она теперь общая и главная в Европе.

Чтобы увериться в этой истине, надобно только счесть типографии и книжные лавки в Европе. Отечество наше не будет исключением. Спроси у московских книгопродавцев – и ты узнаешь, что с некоторого времени торговля их беспрестанно возрастает и что хорошее сочинение кажется им теперь золотом. Я живу на границе Азии, за степями отдаленными, и почти всякий месяц угощаю у себя

новых *рапсодов*, которые ездят по свету с драгоценностями русской литературы и продают множество книг сельским нашим дворянам. Доказательство, что и в России охота к чтению распространяется и что люди узнали эту новую потребность души, прежде неизвестную. Жаль только, что недостает таланта и вкуса в *артистах* нашей словесности, которых перо по большей части весьма незаманчиво и которые нередко во зло употребляют любопытство читателей! А в России литература может быть еще полезнее, нежели в других землях: чувство в нас новее и свежее; изящное тем сильнее действует на сердце и тем более плодов приносит. Сколь благородно, сколь утешительно помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российский; развивать идеи, указывать новые красоты в жизни, питать душу моральными удовольствиями и сливать ее в сладких чувствах со благом других людей! Итак, я воображаю себе великий предмет для словесности, один достойный талантов.

Сколько раз, читая любопытные европейские журналы, в которых теперь, так сказать,

все лучшие авторские умы *на сцене*, желал я внутренне, чтобы какой-нибудь русский писатель вздумал и мог *выбирать* приятнейшее из сих иностранных цветников и пересаживать на землю отечественную! *Сочинять* журнал одному трудно и невозможно; достоинство его состоит в разнообразии, которого один талант (не исключая даже и Вольтерова) никогда не имел. Но разнообразие приятно хорошим выбором; а хороший выбор иностранных сочинений требует еще хорошего перевода. Надобно, чтобы пересаженный цветок не лишился красоты и свежести своей.

Ты как будто бы угадал мое желание и как будто бы *нарочно для меня* взялся исполнить его. Следственно, я должен быть благодарен и не могу уже с циническою грубостию спросить: «Господин журналист! Можешь ли ты удовлетворить всем требованиям вкуса?» Но между тем благодарность не мешает мне подать тебе дружеский совет в рассуждении обещаемой тобою критики.

А именно: советую тебе быть не столько *осторожным*, сколько *человеколюбивым*. Для истинной пользы искусства артист может

презирать некоторые личные неприятности, которые бывают для него следствием искреннего суждения и оскорбленного самолюбия людей; но точно ли критика научает писать? Не гораздо ли сильнее действуют образцы и примеры? И не везде ли таланты предшествовали ученому, строгому суду? *La critique est aisée, et l'art est difficile!*[1] Пиши, кто умеет писать хорошо: вот самая лучшая критика на дурные книги! – С другой стороны, вообрази бедного автора, может быть добродушного и чувствительного, которого новый Фрерон убивает одним словом! Вообрази тоску его самолюбия, бессонные ночи, бледное лицо!.. Не знаю, как другие думают; а мне не хотелось бы огорчить человека даже и за «Милорда Георга»[2]{2}, пять или шесть раз напечатанного. Глупая книга есть небольшое зло в свете. У нас же так мало авторов, что не стоит труда и пугать их. – Но если выйдет нечто изрядное, для чего не похвалить? Самая умеренная похвала бывает часто великим ободрением для юного таланта. – Таковы мои правила!

Поздравляю тебя с новым титулом *политика*; надеюсь только, что эта часть журнала, ко

счастью Европы, будет не весьма богата и любопытна. Что для кисти Вернетовой буря, то для политика гибель и бедствие государств. Народ бежит слушать его, когда он, сидя на своем трезубце, описывает раздоры властей, движение войска, громы сражений и стон миллионов; но когда громы умолкнут, все помирятся и все затихнет; тогда народ, сказав: «*Finita è la commedia!*»[3], идет домой, и журналист остается один с листами своими!

Примечания

1

Критика легка, искусство трудно (*франц.*). –
Ред.

[^^^]

2

Может быть, глупейший из русских романов.

[^^^]

Комедия окончена (*итал.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

...издавать журнал... в такое время... – Речь идет о начале царствования Александра I, ознаменованном рядом либеральных акций.

[^^^]

2

«Милорд Георг». – Речь идет о романе Матвея Комарова, писателя XVIII века, «Повесть о приключении английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики Луизы с присовокуплением к оной истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезии». Первое издание романа вышло в Петербурге в 1782 году, в последующем, ввиду широкой популярности у читателя, появились многократные его переиздания.

[^^^]

[^^^]